ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Весенние расследования

Татьяна Устинова

Анна и Сергей Литвиновы

Ольга Володарская

Евгения Горская

Анна Князева

Альбина Нури

Наталия Антонова

Великолепные детективные истории. Новое оформление

Татьяна Устинова

Весенние расследования

«Эксмо»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Весенние расследования / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2024 — (Великолепные детективные истории. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-199420-4

Отличное дополнение к наступлению весны – сборник «Весенние расследования»! В него вошли остросюжетные рассказы самых популярных и любимых писателей – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Ольги Володарской и других известных авторов, – действие которых происходит очаровательной весной. Они увлекут захватывающей интригой, подарят по-настоящему радостное настроение, и вы убедитесь, что интересная книга – по-прежнему лучший подарок! Весенним днем так приятно ощутить первое дыхание теплого ветерка! И пусть до настоящего тепла еще далеко, мы уже чувствуем весеннее настроение. Самое время поддержать его с остросюжетными рассказами любимых авторов, вошедшими в сборник «Весенние расследования».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199420-4

© Устинова Т. В., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Татьяна Устинова 8
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Весенние расследования

Сборник рассказов

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Великолепные ДЕТЕКТИВНЫЕ истории

Весенние расследования

МОСКВА
2024

Татьяна Устинова
И весь мир в придачу

Она любила его, а он, ясное дело, любил родину.

Такое бывает, и даже довольно часто.

Кроме родины, Глеб любил еще свою карьеру – истово и с огоньком занимался ею, оглаживал и похлопывал со всех сторон, как норовистую лошадь. Карьера гарцевала, помахивала гривой, хорошо кушала, нагуливала бока, отливала глянцем и росла не по дням, а по часам, грех жаловаться.

Еще он любил музыку – джаз, разумеется, – и маму, которая издалека руководила своим мальчиком во всех вопросах, включая любовь, карьеру и джаз.

А Груня любила его с самого первого курса – скоро десятилетний юбилей грянет.

Полная бесперспективность подобного рода любви очевидна всем – но всегда почему-то становится очевидной годам к сорока. Ну уж точно после тридцати.

Груне до тридцати ждать было еще два года – вон сколько. Поэтому она его любила, а он продолжал любить родину – гарцевать на карьере, выпасать ее на тучных пастбищах и слушать джаз и маму.

Еще был Ванечка, его она тоже очень любила.

Ванечка похож на Макса, а с Максом они развелись очень быстро – как только поженились, так сразу и развелись.

Почти. Почти так.

Ужасное имя – Максим. Отвратительное. И как это свекровь угораздило назвать сына таким кошачьим именем! Впрочем, свекрови имя нравилось. Она им гордилась, всегда выговаривала старательно – Мак-сим, и никаких сокращений от этого имени не допускала. Зато Грунино ей не нравилось нисколько. Груне и самой не нравилось, да что же делать, когда родители, филологи, русофилы и знатоки классической и всех прочих литератур, считали, что у девочки должно быть хорошее русское имя!

– Тебе, Агриппина, тоже не следовало бы…

– Чего не следовало бы, Марья Петровна?

– Да вот этой самой Груней именоваться! Это не имя, это какой-то… мичуринский сорт вроде бы!

– Какой… мичуринский сорт?

– Такой! Груня! Что такое за Груня?! Ты же не дерево!..

Груня была вполне согласна, что она не дерево, но ничего изменить было нельзя, да еще мама все время путалась, называла ее Грушенькой Мармеладовой, хотя та была вовсе никакая не Грушенька, а Сонечка – вот вам и знаток русской классической литературы!

Хорошо хоть Ванечка получился Иван Максимович, а не Федор Михайлович или Фрол Федулыч, к примеру. Груня была искренне убеждена, что все ее несчастья происходят от ее позорного имени. Разве может что-то путное выйти у женщины с таким именем?!

Когда они познакомились с Глебом, он, кажется, даже не сразу поверил в то, что она – Груня. Дело было на первом курсе, в аудитории номер триста шесть. А может, триста восемнадцать. Глеб приходил лекцию читать – такая у него была общественная нагрузка. Он считался образцовым студентом, и у него была общественная нагрузка, тоже образцовая, потому что другим, менее образцовым, давали другие нагрузки – например, дежурить при входе в общежитие.

– Как?! – переспросил он, когда она назвалась. – Как тебя зовут?!

– Груня, – повторила обладательница хорошего русского имени убитым голосом, и Глеб покатился со смеху.

С тех пор он только и делал, что над ней смеялся – вот уже почти десять лет.

Смеялся и делал выговоры, когда она особенно надоедала ему со своей любовью, или мешала надлежащим образом холить и лелеять карьеру, или не давала как следует погрузиться в сладостно-наркотический кайф джазовых концертов – а она только и делала, что мешала, не давала и надоедала!

И по имени он никогда ее не называл. То есть совсем никогда. То есть вообще.

Ни разу за все десять лет он не обратился к ней по имени. Обычных идиотских поименований, которыми вроде бы потчуют друг друга все нежно влюбленные голубки, он тоже не признавал, как раз потому, наверное, что не являлся нежно влюбленным голубком. Как-то очень ловко ему удавалось объезжать ее имя по касательной, прямо как Герману Майеру ворота на трассе гигантского слалома.

Слалом и впрямь получился гигантский – десять лет, шутка ли!

Ужасно, что так все… не сложилось. Она была уверена – Глеб предназначен именно ей. Странно, что он этого не видит, это же так понятно!

Они были похожи друг на друга, так похожи, что иногда казалось – этого не может быть, слишком страшно. Они одинаково думали, потому что их растили по одним и тем же книжкам. Они одинаково не любили модные театральные постановки и млели от Островского. Даже Энтони Троллопа они любили оба, хотя Груня не встречала больше ни одного человека, который знал бы, что был такой хороший английский писатель. И чувство юмора у них было схожим, а что может быть важнее сходного чувства юмора!..

Но он никогда не любил ее, черт возьми!

Он спал с ней, когда уставал от одиночества, и еще потому, что был слишком разборчив и благороден, чтобы тащить к себе в постель случайных девиц. Груня всегда летела к нему по первому зову, радостно и истово надеясь, что вот на этот раз, вот сейчас-то уж точно он зовет ее навсегда, «на всю оставшуюся жизнь», что он наконец-то понял: без нее его «оставшаяся жизнь» скучна, и нелепа, и неизвестно зачем нужна. Они встречались иногда три раза подряд. Иногда пять. Совсем редко – семь. И он снова пропадал надолго, как будто в космос улетал.

Она томилась. Надеялась. Кидалась к телефону. Мрачнела. Сердилась. Грубила. Получала родительскую взбучку. Переживала. Унижалась – в прямом смысле слова унижалась, сутулиться начинала и держать голову долу, как говаривал отец. Звонила, задавала два-три нелепых вопроса и прощалась. Он не перезванивал. Она снова звонила и разговаривала так, как никогда нельзя было с ним разговаривать, чтобы уж гарантированно поссориться и утешаться тем, что он не звонит ей не просто так, а потому, что они «поссорились».

Глеб честно с ней ссорился и не звонил. Не звонил, черт его побери совсем!

Или звонил и говорил устало, что им давно пора расстаться, что все это ему до смерти надоело, что больше так продолжаться не может, что у него своя дорога, а у нее своя, – то же самое, что говорят всем и всегда, когда не могут от них отделаться. Но она-то точно знала, что через две недели он снова позвонит и скажет низким, необыкновенно сексуальным голосом: «Я соскучился», и она помчится к нему, полетит, побежит – куда там русской классической литературе!

Однажды, после его очередного выговора – кажется, очного, «в глаза», – она взяла и вышла замуж.

За Макса, которого свекровь гордо называла Максим.

Макс был лет на двенадцать старше Груни и Глеба и занимался какой-то скучной офисной работой. Груня понятия не имела, какой именно, даже когда была его женой. Когда-то он окончил тот же самый институт, что Груня и Глеб, и встретились они на торжественном поедании бутербродов с копченой колбасой и выпивании водки из маленьких пластмассовых ста-

канчиков – юбилее факультета. Макс оказался в одиночестве, из его выпуска приехали только несколько «девушек», великовозрастных, крикливых, смачно целующихся, словно ошалевших от внезапной студенческой свободы на один вечер.

– Здрасти, – сказал Макс Груне, вырвавшись от «девушек», – а я вас помню. Я читал у вас пару лекций по оптике. Михал Петрович тогда заболел, и меня назначили, чтобы у меня был опыт преподавательской работы. Перед докторской. Не помните?

Груня решительно его не помнила. К стыду своему, она так же решительно не помнила ни заболевшего Михал Петровича, ни оптики, так сказать, в целом. Но то, что и этот тоже – как Глеб! – читал ей лекции, было до крайности забавно.

– У вас какое-то необыкновенное имя, – продолжал резвиться бывший лектор. – Аполлинария? Амалия?

– Агриппина, – подсказала помрачневшая Груня.

– Точно! – восхитился будущий муж. – Как это я забыл? А чем вы сейчас занимаетесь?

Груня гордо объявила ему, что занимается тем, что работает на телевидении. Макс удивился и присмирел. Потом оказалось, что он решил, будто она работает на телевидении Ариной Шараповой, хотя Груня была всего лишь редактором в небольшой утренней программке.

После колбасы с водкой он подвез ее до дома, потому что Глеб, с которым она пришла, трепался с однокурсниками и старательно изображал, что Груню видит первый раз в жизни. Вообще ей всегда казалось, что он ее стесняется, как человек, который делает вид, будто собака, писающая на тротуаре при всем честном народе, – не его. Груня ни в чем таком замечена никогда не была, но Глеб все равно стеснялся. Никто не должен был знать, что он – «с ней». Разумеется, все знали, но разубедить его в этом было невозможно, и он унижал ее еще и этим – плечи опускались, спина сутулилась, как будто сама по себе.

Вот такую, ссутуленную и с теплым пластиковым стаканчиком в ладони, за колонной ее обнаружил Макс. Он доставал из кармана телефон, и вместе с трубкой из кармана вылез кошелек, и ключи от машины грохнулись на паркет, завертелись, поехали и оказались у Груни под каблуком. Она наклонилась, чтобы поднять, толкнула попкой костюмный бок, перед носом у нее что-то мелькнуло, плеснулось, и она выпрямилась с ключами в руке. Оказывается, у Макса тоже был теплый пластмассовый стаканчик, и теперь томатный сок аппетитно капал с его итальянского галстука прямо ей на ботинок.

Груня оцепенела.

Макс пятерней отряхнул галстук и посмотрел на нее.

– Это ваши? – пропищала Груня и глупо помахала у него перед носом связкой. Нужно было немедленно вернуть ему ключи и бежать со всех ног в направлении канадской границы – именно это направление предписывала в подобных случаях вся мировая литература.

– Мои, – признался Макс и потряс галстуком, почему-то приобретшим от томатного сока странный зеленоватый оттенок. – Подвезти вас? Или вы на машине?

Груня попятилась и прислонилась попкой к колонне. Колонна была холодная и гладкая.

– Я… нет, я не на машине. А как теперь быть с вашим… с этим… Вы извините меня, пожалуйста, я думала, что… короче, я только увидела, что ключи упали, а вас не заметила… Я хотела…

– Это все ерунда, – бодро сказал Макс и стянул с шеи непередаваемо зеленый галстук. Скатал его, поискал глазами урну, прицелился, метнул и попал. Груня проводила галстук глазами. Тогда она еще не знала, что Макс так решает все проблемы на свете – решительно, навсегда и очень быстро.

– Так подвезти вас? Или вас ждет кавалер на улице?

Глеба он даже не заметил. Или не понял, что это и есть кавалер.

И подвез ее.

Сначала подвез, а потом женился.

Самое главное – он все про нее знал. К счастью, оказалось, что он очень умный.

– Я тебя не люблю, – решительно сказала она, когда Макс сделал ей предложение.

– Это не имеет никакого значения.

– Как?! – Груня, воспитанная на русской классической и прочих хороших литературах, совершенно точно знала, что только любовь и имеет значение.

Макс почесал длинный нос:

– Да так. У нас с тобой будет очень хорошая семья, и наплевать на все остальное.

– Подожди, – попросила она. – А ты?.. Ты меня тоже… не любишь?

Он промолчал и даже вздохнул тяжело.

– Нет, ты мне скажи. Зачем тебе тогда приспичило на мне жениться, если ты меня не любишь?!

И он сказал, морщась:

– Я люблю тебя. Правда. Но… немножко не так, как ты это себе представляешь.

– Как – не так?! – возмутилась Груня. – Что значит, не так?! Тогда расскажи мне как!

– Не расскажу, – тихо сказал он. – Я не умею ничего такого рассказывать. Но ты все-таки выходи за меня.

И она вышла. Поссорилась с Глебом и вышла.

Глеб ужасно удивился. И даже ревновал некоторое время, доставляя Груне искреннюю и чистую женскую радость. Но и замужество ничего не изменило – они продолжали встречаться, то реже, то чаще, но всегда в его холодной нищенской съемной квартирке в спальном районе. К себе она Глеба почему-то никогда не звала.

Потом родился Ванечка, беленький, удивительно похожий на Макса, и без того сложная сложность усложнилась еще в сто раз. Встречаться стало некогда, кроме того, обманывать Макса было как-то не так стыдно, как Ванечку. В конце концов, Макс был взрослый человек и все про нее знал – она сама ему сказала, вот молодец какая! Словно заранее индульгенцию выпросила на свидания с Глебом, но оттого, что как бы это разрешалось, ей все время было неловко, гораздо более неловко, чем если бы не разрешалось!

Кроме того, ее муж ничего не замечал. Он никогда и ничего не замечал, и это раздражало ее ужасно.

Он приезжал с работы, сдирал с шеи очередной итальянский галстук, по дороге в ванную оставлял на креслах и стульях последовательно пиджак, рубашку и брюки, напяливал майку и джинсы, протертые на коленях до дыр, и весь вечер таскал Ванечку на руках, делал ему «козу», громким голосом декламировал глупые стихи, фальшиво пел глупые песни, потряхивал, подбрасывал, пощекотывал и заливался идиотским отцовским смехом, когда Ванечка пускал на него слюни. Поэтому Ванечка сказал «папа» примерно на год раньше, чем «мама», а Груня только и делала, что выслушивала лекции близких и дальних о том, что отец портит ребенка и в конце концов испортит окончательно.

Испортить ребенка окончательно Максу не удалось. Они развелись.

Груня была уверена, что Макс и в этом случае ничего не заметит, и ошиблась. Она была уверена, что, если пообещает ему беспрепятственные свидания с сыном, Макс нисколько не огорчится, даже, пожалуй, обрадуется – больше не придется жить с женой, которая постоянно и упорно ему изменяет, кидается к телефону, уходит с ним – с телефоном то есть – в ванную, а выходит оттуда все с тем же телефоном и красными от слез и «чувств-с» глазами. В конце концов, ни один мужчина, даже такой «равнодушный», как Груня определила для себя Максову сущность, долго терпеть вряд ли сможет.

– Ты сошла с ума, – сказал Макс, когда она объявила ему, что уходит, и ей вдруг показалось, что он умер. Вот так взял и умер у нее на глазах, и то, что он сидит и говорит, и снимает очки и трет глаза, и снова надевает очки, совершенно не означает, что он до сих пор жив.

– Ты не думай, – затараторила Груня, испуганно рассматривая мертвого Макса, – Ванечка останется. То есть он, конечно, не останется с тобой, но ты можешь с ним видеться хоть каждый день, как всегда.

– Ну да, – согласился Макс.

Груня перевела дыхание и бестолково и неаккуратно налила себе воды из бутылки. Она не думала, что объяснение будет таким трудным.

Макс встал из-за стола и пошел куда-то, странно моргая глазами, как сова, потом вернулся и повторил зачем-то:

– Ты сошла с ума.

Больше он не говорил ей ничего такого, и они развелись легко и интеллигентно, как в кино. Макс стал просто «старым другом», «хорошим товарищем», проверенной «боевой подругой», умной, всепрощающей жилеткой, плечом, локтем – частью ее гардероба или анатомии.

Только бабушка однажды сказала:

– Так не бывает.

Груниной бабушке стукнуло восемьдесят восемь, и Груня привезла Ванечку, чтобы та его «потетешкала». Бабушка «тетешкала», «тетешкала» и про Макса выспрашивала. Груня ей и выложила про плечи, жилетки и еще про то, что он идеальный отец, и еще про то, что он «равнодушный», и про то, что она «освободила» его, чтобы он мог спокойно строить свою личную жизнь. И немного про Глеба рассказала и свою неземную, единственную на всю жизнь любовь.

Бабушка посмотрела на Груню внимательно. У нее были короткая седая стрижка, свитер до колен и на каждом пальце по кольцу. Груня ее обожала.

– Матушка, – сказала она внучке, – ты и впрямь так глупа или притворяешься?

– Ты что?..

– С чего ты взяла, что мужчина, которого ты оскорбила, может стать тебе другом?! Что это вообще за дружба с мужчиной?! – И тут бабушка раздула аристократические ноздри и сунула Ванечке костяной веер тысяча девятьсот третьего года выпуска.

Груня пожала плечами.

– Мы развелись, но остались в хороших отношениях, только и всего, – начала она, не слишком уверенная, что говорит все правильно, кроме того, ей вдруг показалось, что это звучит как-то на редкость глупо. – Он Ванечку любит, приезжает, гуляет с ним, деньги… тоже…

– Деньги! – фыркнула непочтительная фрондерка-бабушка. – При чем тут деньги, позволь поинтересоваться?! Да если бы он не хотел тебя больше, он забыл бы о тебе в ту же секунду! И ребенок тоже совсем ни при чем, матушка. Надо же, какие глупости ты говоришь, удивительно даже!

– Да почему глупости-то? – пробормотала сбитая с толку Груня.

– Да потому что мужчин, которые ничего не хотят, а только дружат, придумала ваша советская власть! Чтобы никто не отвлекался от строительства коммунизма! Ты что, строишь коммунизм?

– Я – нет, – призналась Груня.

– Вот именно. И твой муж тоже не строит, я думаю.

– У меня нет мужа, – ожесточенно пробормотала внучка.

– Есть, – энергично возразила бабушка, – только ты об этом не знаешь.

После этого разговора Груня стала внимательнее следить за Максом и ничего такого не выследила. Он не кидал взглядов исподтишка, не вздыхал, не печалился, не метался, не пытался прижать ее к стене и впиться поцелуем в губы – словом, не делал ничего такого,

что в соответствии с мировой литературой и мировым кинематографом означало бы, что он ее «хочет» и «ничего не забыл».

Глеб на заднем плане продолжал слушать джаз и вызывать Груню на свидания. Груня уже почти болезненно ненавидела джаз и покорно таскалась на свидания, как будто ее тянули на невидимом аркане. Утром им всегда было неловко, словно они десятиклассники, не умеющие почти ничего и выполняющие специальный тренировочный комплекс – с натугой, изо всех сил и все время контролирующие себя со стороны, чтобы не сопеть, не потеть, не хрюкать, принимать изысканные позы, втягивать живот, говорить умные и красивые слова. Кроме того, в его съемной квартире ей было неуютно, враждебно, и фена не было, и зубную щетку приходилось возить с собой в пакетике. Весь день на работе эта проклятая щетка лезла ей на глаза, ехидно напоминая о том, что сегодня вечером она должна – именно должна! – удариться в разврат, а Ванечку от мамы опять забирает Макс, черт бы побрал его благородство!

Злилась она почему-то именно на Макса, а не на Глеба.

Господи, что это бабушка выдумала про то, что ему не все равно, что он ее «хочет»! Никто ее не хочет, никому она не нужна, а все потому, что такая дура, да еще Груня!..

Потом ее послали в командировку. Начальник послал. У нее был замечательный начальник, который не только не мешал, но и всячески помогал ей делать карьеру. Такое тоже бывает.

Следовало сделать интервью со знаменитым писателем, всю жизнь прожившим за границей и вернувшимся на историческую родину лишь недавно. Жил он в усадьбе в далеком далеке, приглашение было на два лица, и шеф распорядился, что поедут Груня и оператор, хотя желающих было много – всем хотелось интервьюировать великого писателя!

Груня оставила Ванечку маме, выдала кучу распоряжений, чувствуя себя почти что Евгением Киселевым, и оператор повез ее по худым российским дорогам в худой российской машинке в далекое далеко.

Осень была. Листья сыпались. Шоссе упиралось в низкое кудлатое небо. Приемник пел про то, что никто и никогда «так не называл ее по имени».

По имени ее называл только Макс. Даже мама часто путалась, а Макс никогда.

Писатель им с оператором не понравился. Вот не понравился, и все тут.

Какой-то он был слишком уверенный в том, что он – гений. Кроме того, он имел слишком уж безапелляционное мнение о том, как именно следует жить всем в этой стране, включая Груню и оператора, а они точно знали, что так жить не смогут никогда. У него был назидательный тон, нарочито народные словечки и присказки, обязательные иконы в углу совершенно американского кабинета.

Уже ничего не хотелось – ни блестящего интервью, которое, по замыслу, должно прославить их как знаменитых журналистов, ни ночевки в просторных комнатах, убранных в «русском духе». И все казалось в тягость – постный обед, послеобеденная прогулка с женой писателя, которая, безукоризненно следуя законам жанра, рассказывала им, как велик ее муж и как был гол, нищ, сир и убог, и семейные реликвии, к которым они были допущены, как почетные гости – с поминутными оговорками, что не все, даже почетные, допускаются до этих самых реликвий. К вечеру Груня устала так, что еле-еле выждала время, когда уже было пристойно удалиться в свою комнату в «русском духе».

Она долго стояла под душем, потом причесывалась перед зеркалом – клетчатая теплая пижама, бледное лицо, отросшие до плеч темные волосы. Потом бросила щетку, упала животом на широченную кровать и, словно бы торопясь отделаться от всей ерунды этого дня, от разочарования, от чувства недовольства собой, позвонила Максу.

Он нисколько не удивился – он никогда и ничему не удивлялся, особенно с тех пор, как умер на кухне.

Она быстро рассказала ему все, катаясь по постели и то так, то эдак рассматривая деревянные лакированные потолки. Потолки были сказочной красоты.

Он несколько раз сочувственно хмыкнул, спросил, когда заканчивается визит и во сколько он может приехать к Ванечке.

– У вас дождь? – спросила Груня. – Тут дождь. У меня окно открыто, и так здорово пахнет лесом.

– Ты простынешь, – тут же сказал он. – Холодно на улице.

Груня засмеялась.

– Купи завтра чего-нибудь, когда поедешь к нам. Я ужин приготовлю.

Он помолчал. В предложении ужина было что-то новое, как будто обещание, или возвращение, или это осень виновата и ее плохое настроение?

Он пообещал, что купит «чего-нибудь», и они попрощались. Он – задумчиво, она – неохотно. Макс был свой, а окружающий дом слишком чужой, чтобы она могла чувствовать себя спокойной.

Наутро тоже было пасмурно, и до завтрака Груня вышла на террасу подышать. Ей очень хотелось уехать, но оператор должен был снимать натуру, а она знала, что дело это небыстрое, и до вечера они как пить дать проснимают, и хорошо, если удастся уехать сегодня, можно и до завтра застрять, вполне!

Тяжелые капли со стуком падали на деревянные перила. Сырой плотный ветер, пахнувший грибами, лесом и прелыми листьями, дунул в лицо, растрепал волосы. Груня спустилась с крыльца и пошла между деревьями, трогая мокрые шершавые стволы. Рваные низкие тучи летели над далеким шоссе. Какая-то машина свернула с дороги и теперь ехала по проселку, ныряя, как пловец в воду, в дрожащие желтыми и красными листьями кусты на обочине.

Груня все шла и шла и остановилась, только когда оказалась нос к носу со своим бывшим мужем.

– О господи, – сказала она, не придумав ничего лучшего. – Откуда ты взялся?!

– Из Москвы. – Он пожал плечами. – Я решил, что тебя нужно забрать. Поедем?..

Она смотрела на него во все глаза. Он был небрит, и светлая щетина странным образом молодила его, и она вдруг удивилась, что этот человек – в свитере и короткой кожаной куртке, высокий, худой, улыбающийся странной улыбкой, – ее бывший муж. Он не может быть ее бывшим мужем, ведь никогда раньше она его не видела!

Никогда.

– Ты проехал триста километров, потому что вчера у меня было плохое настроение? – спросила Груня у этого незнакомого человека, мимолетно удивившись, что привычно называет его на «ты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.